

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

НОВЕЙШАЯ БУРЖУАЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

Историография западноевропейского абсолютизма огромна; вместе с посвященной ему политической теорией и публицистикой она появилась почти одновременно с самим абсолютизмом. В ней сразу же резко обозначились две противоположные тенденции: обоснование и прославление абсолютной монархии или ее отрицание и хула. Острая мысль некоторых гуманистов (Макиавелли, Этьен де Ла-Бозе) пыталась даже разгадать самую сущность этой, столь отличной от политического строя средневековья, новой формы государственной власти, пыталась отыскать причину, породившую полное единовластие монарха. В пору подъема абсолютизма, в соответствии с его исторической миссией в тот период, историки прогрессивного направления оказывались, как правило, в стане защитников абсолютной монархии; ее враги примыкали к лагерю феодальной знати, родовитого дворянства и пропитанного муниципальным духом бюргерства. Наоборот, в процессе роста революционного сознания буржуазии и народных масс, защитники и противники ставшего реакционным абсолютизма поменялись местами.

Борьба не затихла и в исторической науке XIX в.; буржуазно-демократические революции этого столетия вновь и вновь ставили перед историками злободневные вопросы о закономерностях в развитии сокрушаемого революционными переворотами государственного строя, равно как и проблему эволюции абсолютной монархии в буржуазную. Отголоски этой полемики в историографии слышны порой и ныне.

В XX в. политическая острота проблемы значительно приглушилась,¹ но зато в посвященных ей научных исследованиях

¹ Некоторые реакционные историки (например, Аното, К. Бурхард) проводили в 1930-х годах далеко идущие параллели между абсолютными монархами и «сильными личностями» (т. е. фашистской диктатурой).

ярче сказались пороки буржуазной историографии, особенно наглядные в анализе любой темы, связанной с формой государственной власти. Вместе с тем конкретное исследование истории абсолютных монархий в странах Западной Европы сделало значительные успехи. В распоряжении исследователей оказался обширный фактический материал, и почти каждый труд по данной теме сопровождался и сопровождается известной теоретической конструкцией. Появилось множество статей по отдельным вопросам и более широкие построения, затрагивающие проблему в целом. Наиболее значительные принадлежат профессору Сорбонны Р. Мунье и профессору университета в Западном Берлине Ф. Хартунгу; оба они являются крупными специалистами по истории XVI—XVIII вв.² На X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. они взяли на себя задачу дать в докладе обзор современных концепций в области исследования абсолютизма, высказать свои суждения и поставить требующие разрешения вопросы. Авторы доклада — в силу необходимости, достаточно сжатого — исходили при этом из того, что аудитория конгресса (равно как и будущие читатели докладов) знакомы с их основными трудами. Они опирались на собранный в них и во многих других работах фактический материал и высказанные там взгляды. Однако по ряду вопросов они выдвинули и новые точки зрения.³

За истекшее с 1955 г. время появилось еще несколько статей, представляющих значительный интерес. Хотя такую сложную и обширную проблему, как абсолютизм, отнюдь еще нельзя считать решенной и разработанной даже в отдельных ее главных чертах, все же основные контуры концепции, принадлежащей крупным зарубежным специалистам, вырисовываются вполне отчетливо. Поскольку именно в докладе на X Международном конгрессе они определены наиболее полно, мы берем его за основу, но привлекаем и другие работы, в которых отдельные вопросы рассмотрены порой значительно подробнее, чем в докладе.

² R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles. Les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492—1715). Paris, 1954 (Hist. gén. des civilis., IV); R. Mousnier et E. Labrousse. Le XVIII siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815). Paris, 1953 (Hist. gén. des civilis., V); F. Hartung. Deutsche Verfassungsgeschichte. Berlin, 1954. Обоим авторам принадлежит также большое количество книг и статей по истории западноевропейского абсолютизма, его учреждений и идеологии.

³ Мнения авторов по некоторым вопросам расходятся, что всякий раз в докладе оговорено. Доклад напечатан: Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, v. IV. Firenze, 1955, p. 3—55; цитируется дальше Relazioni.

Критическое освещение данной концепции представляет для советских историков и широкого читателя немалый интерес, знакомя их с некоторыми выводами зарубежной исторической мысли в разработке проблемы, важной как самой по себе, так и в плане сравнительного анализа истории русского абсолютизма.

В докладе рассмотрены следующие темы: абсолютизм и деспотизм, формы, типы и стадии абсолютной монархии, причины ее появления, специфика азиатского абсолютизма. План построения по-своему логичен; при рассмотрении первой темы — абсолютизм и деспотизм — сделана попытка определить сущность абсолютизма (не вообще, но в понимании деятелей и мыслителей той эпохи). При изложении второй темы привлечен материал по эволюции абсолютизма и лишь затем поставлен вопрос об условиях, вызвавших ее к жизни. Нам, однако, представляется правильным излагать соображения авторов в обратном порядке, ибо не подлежит сомнению, что во всей многогранной и сложной проблеме абсолютизма наибольшее значение имеет именно вопрос о причинах появления и условиях существования абсолютной монархии. Основные позиции Мунье и Хартунга отчетливее всего выявляются при анализе этой темы: от того, каким образом она поставлена, зависит и понимание сущности данной формы государства.

Справедливо критикуя многих историков права за их неумение (несмотря на благие намерения) связать эволюцию права в период абсолютизма со всем многообразием политической, социально-экономической и идеологической жизни, авторы доклада признают заслуги как английской «конституционной» исторической школы, связывающей политические формы с социальными условиями, так и историков-экономистов, учитывающих роль политических учреждений. Таким образом, в докладе выставлен тезис о взаимодействии самых различных факторов в процессе образования абсолютной формы правления и отвергнуто положение о главенствующей роли юридического момента. Кроме того, там высказано сомнение в пользе поисков единственного — и даже главного — фактора, действительного для всех периодов этой формы государства.

Авторы отвергают преобладающую роль движения цен (на чем настаивают для Франции Лабрусс и для Испании ХVII—ХVIII вв. Гамильтон), признавая за этим явлением лишь вспомогательное значение и предлагая исследовать вопрос

в плане сравнительной истории. Не полностью согласны они и с теорией борьбы классов, трактующей происхождение абсолютизма в свете борьбы буржуазии с дворянством: королевская власть в своей борьбе с феодалами опиралась на буржуазию и способствовала ее подъему. Когда же было достигнуто известное равновесие сил между буржуазией и дворянством, король оказался арбитром между этими классами и появилась абсолютная монархия. Затем, в результате своего возросшего веса буржуазия стала преобладающим классом и принудила короля к разделу власти с ней — совершился переход к монархии ограниченной, парламентской и буржуазной.⁴

Авторы склонны считаться до известной степени с этой схемой, но, по их мнению, она, в лучшем случае, годится только для стран Западной Европы. Иным было соотношение классов в Бранденбургско-Прусском государстве, где Гогенцоллерны достигли абсолютизма, пожертвовав городами ради интересов поместного дворянства и отождествив эти интересы с государственными. В России не было противопоставления буржуазии дворянству; Иван III, Василий III и Иван IV добились успеха, противопоставив знати помещиков, т. е. имели дело с двумя слоями дворянства.⁵

Остановимся подробнее на этом важном вопросе.

В докладе выдвинуто положение: «никогда не следует пренебрегать классовой борьбой»,⁶ но авторы понимают ее узко, ограничиваясь почти исключительно взаимоотношениями дворянства и буржуазии. Это вытекает из их общей концепции. Развертывая свои взгляды на примере страны классической формы абсолютизма — Франции, Мунье не признает за крестьянами и городскими народными массами самостоятельной роли и собственной инициативы в жизни общества. По его мнению, даже многочисленные народные восстания во Франции в XVII в. были спровоцированы дворянами и буржуазией. Он не противопоставляет друг другу различные классы: крестьян — сеньерам, ремесленников и рабочих — предпринимателям, но, наоборот, объединяет их в небольшие территориальные группы, «члены которых связаны друг с другом узлами покровительства и службы». Вместо классового деления общества по горизонтальным слоям он предлагает его вертикальное расчленение;

⁴ Relazioni, p. 38. В своей книге Мунье склонен был считать эту борьбу классов *главным* фактором развития западноевропейского абсолютизма (R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles, p. 99). В докладе и в последующих статьях он развивает другой взгляд (см. ниже).

⁵ R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles, p. 121.

⁶ Relazioni, p. 39.

политически активными оказываются при этом лишь «руководители» подобных территориальных групп.⁷

Не менее показательно, что решающее значение в борьбе дворянства и буржуазии приписывается воле монарха. Государии создают классовую борьбу между привилегированными слоями общества и направляют ее по своему усмотрению.⁸ Весьма характерно не только такое словоупотребление, но и суть подобного взгляда. Он вносит в теорию борьбы между дворянством и буржуазией новый элемент — решающую роль государства. Но прежде чем рассмотреть его более подробно, необходимо остановиться на характеристике борющихся классов.

Возвышение буржуазии трактуется преимущественно как следствие экономической помощи ей со стороны правительства.⁹ Ей предоставляются монополии, привилегии, откупа и т. д.; протекционизм имеет в виду ее интересы. Кроме того, король возвышает буржуазию в социальном плане. Он позволяет ей аноблироваться и выполняет тем самым самое заветное ее стремление. Буржуазия аристократизируется, сохраняя, однако, свои привычки к экономии, осторожным расчетам, свою жадность к прибылям. Отчасти этот дух проникает и в дворянство (через жен-буржуазок), и в этом смысле оно несколько обуржуазивается, не теряя, впрочем, своего высокомерия и презрения к «выскачкам» из буржуазии. Короли приобщают буржуазию и к политической власти, предоставляя ей в безраздельное владение свой судебно-административный аппарат. Оттесненное ею родовитое дворянство (*gentilhomme*) ищет помощи у короля и получает от него дары, пенсии, доходные и почетные придворные и военные должности. Оба класса обязаны своим положением королю и зависят от него. «Разделяя функции между двумя классами, но представляя наиболее важные из них классу меньшему, т. е. буржуазии, систематически возвышая ее и противопоставляя дворянству, король приводит борьбу классов к такому равновесию, что может укрепить свою личную власть и обеспечить в управлении и в государстве единство, порядок и иерархию».¹⁰

⁷ R. Mousnier. 1) *Les XVI et XVII siècles*, p. 161, *passim*; 2) *Serviteurs du roi. Quelques aspects de la fonction publique dans la société française du XVII s.* «Bull. de la Soc. d'Étude du XVII s.», 1959, № 42—43, p. 4; 3) *Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde*. «Rev. d'hist. mod. et contemp.», V, 1958, avril—juin, p. 91—106.

⁸ «Ivan III crée une lutte de classes» (R. Mousnier. *Les XVI et XVII siècles*, p. 117); «... le roi... ramène la lutte de classes à un point d'équilibre entre les classes» (там же, стр. 236).

⁹ Там же, стр. 97—99; в качестве примера взята французская буржуазия.

¹⁰ Там же, сто. 236.

Наряду с уже отмеченным подчеркиванием творческой и регулирующей роли монарха в создании и развитии классов и их борьбы, отчетливо выступают два положения: 1) фактическое преобладание принадлежит не дворянству, а буржуазии, ибо ей предоставляются политические и административные функции, 2) установление объединенного и упорядоченного государства, т. е. абсолютной монархии является результатом возвышения буржуазии.

Однако в тезис о приобщении буржуазии к политической власти Мунье вносит (вслед за Пажесом) существенное уточнение. Буржуазия отнюдь не подчинила себе монархию. Наоборот, монархия подчинила ее себе, равно как и прочие классы.¹¹ Этим еще сильнее оттеняется этактический характер всей концепции.

Нельзя ограничиться одним констатированием социально-экономического и политического возвышения буржуазии. Необходимо более пристально присмотреться к этому классу, играющему столь важную роль в становлении абсолютизма. Очень интересна полемика, которую ведет Мунье как с Б. Ф. Поршневым, так и с некоторыми французскими историками,¹² определяя социальную суть буржуазии в XVI—XVII вв.

Мунье считает, что это возвышение ничего не меняло в социальной природе класса. Даже аноблируясь, буржуазия сохраняла свой дух. Юридический статус «дворянства мантии» (т. е. буржуазного по происхождению чиновничества) нельзя отождествлять со статусом социальным; истинную природу класса определяет именно последний.

Но как понимает Мунье этот социальный статус? Какое содержание он в него вкладывает?

Мунье отвергает точку зрения Б. Ф. Поршнева, подчеркивающего «феодализацию» буржуазного чиновничества (в силу его отрыва от торговли и промышленности), ибо считает, что подобный отрыв характерен для чиновников при любом режиме. Французские чиновники и в XIX в. не занимались ни торговлей, ни промышленностью, что, однако, не мешало им быть буржуа.¹³ Мунье полемизирует с Ф. Блюшем, приводящим обильный материал для доказательства взгляда, что при Людовике XIV высший слой дворянства мантии не только был уже прочно аноблирован (часто в течение многих поколений), но по своему высокому рангу и привилегиям даже превосходил все слои старого дворянства в том числе и высшую знать.¹⁴

¹¹ R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires, p. 110.

¹² Там же и в статье *Serviteurs du roi*.

¹³ R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires, p. 110.

¹⁴ F. Bluche. L'origine sociale des secrétaires d'Etat de Louis XIV. «Bull. de la Soc. d'Etude du XVII s.», 1959, № 42—43, p. 8—22.

Критерием для определения «дворянства мантии» как буржуазного не только по происхождению, но и по его социальному статусу, Мунье выдвигает общественное мнение эпохи.

Старая титулованная знать (принцы, герцоги и т. п.) почитала за буржуа, за «ротюру» все дворянство мантии, включая и наиболее важных и значительных его представителей. Этот взгляд разделялся общественным мнением; чиновников иронически величали «дворянами пера и чернил».¹⁵

Мунье полностью солидаризируется с таким мнением. Если подлинными дворянами (*gentilshommes*) вельможи считали только себя, значит, действительно, чиновникам не было места среди них. Эти одворянившиеся буржуа (*nobles*) принадлежали к буржуазии.

Подобная позиция более чем спорна. Прежде всего, сознательно избирая роль всего лишь пересказчика общественного мнения изучаемой эпохи, историк сам себе отказывает в праве на научную характеристику того или иного социального слоя.¹⁶ Разумеется, в такой характеристике должно найти себе место — в какой-то мере — и мнение эпохи. Но не оно является определяющим. В данном случае, кроме того, вообще позволительно усомниться в справедливости подобного, откровенно пристрастного мнения знати.¹⁷ Нельзя также мнение одной социальной группы, в данном случае — знати, считать выразителем взглядов всего общества (точнее — всех его привилегированных слоев). Знать была раздражена и оскорблена успехами своих соперников — министров, канцлеров и т. п. Высмеивая их «ротюрное» происхождение, она давала волю своему гневу и презрению. Но известны и другие оценки людей того же времени. Сама эпоха создала такие термины для разных слоев дворянства, как *noblesse de robe* (дворянство мантии) и *noblesse d'érée* (дворянство шпаги). В обоих случаях речь шла о «дворянстве», причем в старинном происхождении родовитого «дворянства шпаги» никто тогда не сомневался. В середине XVII в. это были еще в основном два слоя дворянства, разные по своему происхождению. Но уже современники Людовика XIV прекрасно знали, насколько часты, можно сказать, типичны были случаи, когда члены одной и той же семьи занимали и военные,

¹⁵ R. Mousnier. 1) *Serviteurs du roi*, p. 5; 2) *Recherches sur les soulèvements populaires*, p. 109.

¹⁶ С аналогичным подходом к другим явлениям мы еще встретимся далее.

¹⁷ Блюш вполне обоснованно считает его ошибочным (F. Bluche, *ук. соч.*, стр. 9—10).

и судебно-административные и придворные должности, насколько тесны были семейные узы, связывавшие дворянские семьи, чьи предки в XIV—XV вв. были купцами или рыцарями. Во второй половине XVII в. эти два слоя настолько перемешались и слились, что нельзя, скажем, одного брата считать «настоящим» дворянином (если он занимает военную или придворную должность), а другого — буржуа (если он заседает в Парламенте или в каком-либо ином королевском учреждении). Тезис Мунье, выдвигающий критерием социального статуса общественное мнение эпохи, несостоятелен не только в принципе, но и в конкретном своем применении к рассматриваемому случаю.

Как же обстоит дело с аргументацией относительно буржуазной природы чиновничества в силу того, что оно при всех режимах не может заниматься торговлей и промышленностью?

Характеристика чиновничества XIX в. — в смысле его бесспорной связи также и с буржуазными источниками доходов — слишком отвлекла бы нас от темы статьи. Ограничимся лишь рассмотрением добуржуазной эпохи. В других странах связь чиновников с буржуазной экономикой не мешала им отправлять свои публичные функции. В самой Франции до определенного времени (примерно до второй половины XVI в.) эта связь тоже существовала, особенно у провинциального чиновничества. Очень важным для правильного понимания специфически французского процесса полного отрыва высших и отчасти средних слоев чиновничества от буржуазной экономики является следующее соображение. Этот отрыв произошел не в силу того, что чиновникам стало «неприлично» или некогда заниматься торговлей и промышленностью, а в силу того, что они в это время превратились в *сеньеров-землевладельцев* и приобрели благодаря этому дворянские привилегии, несовместимые с буржуазной деятельностью. Сфера буржуазной экономики была во Франции (по целому ряду причин) закрыта для дворян, пользовавшихся всем комплексом дворянских прав и привилегий. Став дворянами, чиновники подпали под эти запреты. И, наконец, наиболее существенным для определения их подлинного социального статуса является анализ источников их доходов. Высшее и среднее чиновничество во Франции извлекало максимум доходов из эксплуатации своих сеньерий. Подтверждая многочисленные исследования других историков, Мунье сам приводит большой и интересный материал о сеньериальном землевладении чиновников.¹⁸ Для среднего провинциального

¹⁸ R. Mousnier. *La vénalité des offices en France sous Henri IV et Louis XIII*. Rouen, 1945.

чиновничества аналогичные данные сообщает Губер.¹⁹ Иными словами, эти слои жили на доходы от земельной ренты, а последняя в то время носила еще преимущественно феодальный характер и лишь в некоторых случаях обладала элементами переходными к капиталистической ренте.²⁰

Следовательно, важнейшие критерии при определении социального статуса свидетельствуют, что влиятельные и богатые слои французского чиновничества были дворянами по своим источникам доходов, по своему месту в системе общественного производства и, наконец, в общественном мнении, присвоившим им новое и точное (для своего времени) обозначение *дворянства* мантии. Их приобщение к политической власти, власти реальной и значительной, означало, что место родовитых дворян было занято дворянами, хотя и буржуазного — далекого! — происхождения, но все же дворянами.

Все эти соображения существенно изменяют общую характеристику соотношения борющихся классов и роли абсолютной монархии в этой борьбе. Сосредоточивая все внимание на чиновной «буржуазии», Мунье упускает из поля своего зрения буржуазию подлинную, т. е. торгово-промышленную, ее роль в поддержке абсолютизма, ее интересы. Она выступает на первый план только в эпоху своего небывалого расцвета, т. е. примерно до конца XVI в.²¹ Затем она скромно прячется в тень в течение всего периода интенсивного развития и расцвета абсолютизма. Несомненно, что такой взгляд на буржуазию проистекает из концепции, трактующей весь XVII в. как эпоху кризиса (и борьбы с этим кризисом) всех сторон жизни европейского общества.²²

Важно отметить также, что то конкретное понятие равновесия борющихся классов, которое составляет одно из условий развития абсолютизма в концепции Мунье—Хартунга, представляется нам не только несоответствующим реальной расстановке социальных сил, но и очень односторонним. За основу оценки данного равновесия взято не общее соотношение в стране феодальных (сенъериальных — по терминологии французских историков) и нарождающихся капиталистических элементов, не процесс роста капиталистического уклада и не его воздействие на усиление централизации, но всего лишь сопер-

¹⁹ F. Goubert. Les officiers royaux des présidiaux, bailliages et élections dans la société française au XVII s. «Bull. de la soc. d'Étude du XVII s.», 1959, № 42—43, p. 54—75.

²⁰ Подробнее см.: А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII в. (1610—1620). Л., 1959, гл. II.

²¹ См. ниже, стр. 417.

²² R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles, livre II.

ничество двух фракций дворянского класса за власть и доходные места. Именно при такой неправомерно узкой постановке проблемы и становится возможным то чрезмерное преувеличение роли и воли абсолютного государя, которое было отмечено выше.

Однако борьбу классов — даже в таком узком истолковании — Мунье и Хартунг отнюдь не считают *главным* фактором в развитии абсолютизма. «Борьба классов была лишь одним из средств, применявшихся государями. Отдать ей исключительное предпочтение значило бы пренебречь другими не менее важными факторами».²³

Итак, множественность факторов, их постоянно меняющийся комплекс.

Существенным и даже важнейшим²⁴ фактором в появлении абсолютной монархии были внешние войны. Они позволили монарху держать постоянные большие армии и взимать многие налоги, не испрашивая согласия подданных. Этот решающий шаг был сделан во Франции при Карле VII, когда перестали созываться Генеральные Штаты, а в Бранденбурге после 1631 г. в разгар Тридцатилетней войны и особенно после 1665 г., когда налоги практически стали взиматься лишь по воле государя и была создана военно-бюрократическая система. Внешняя опасность во всех своих формах сыграла крупную роль как в появлении абсолютизма, так и в его дальнейшем развитии. Необходимость отстаивать национальный суверенитет способствовала утверждению королевского суверенитета. На пользу последнему пошло и развитие национального чувства, ибо король являлся воплощением нации.

В таком же плане действовали многие течения в области культуры: гуманизм, классицизм.²⁵ Помощницей абсолютизма была контрреформация, в то время как в Англии и в Нидерландах кальвинизм стал формой борьбы с абсолютизмом (Мунье отмечает, что лютеранство благоприятствовало развитию абсолютной монархии и что вплоть до отмены Нантского эдикта даже гугеноты признавали ее власть). Кальвинизм же был враждебен абсолютной монархии в той мере, в какой он способствовал развитию капитализма и — в противоположность абсолютизму — ставил частные интересы промышленников и купцов выше интересов общества.

²³ Relazioni, p. 39.

²⁴ «L'absolutisme est probablement résulté d'abord des nécessités de la défense du royaume, des guerres contre l'étranger» (R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires, p. 110).

²⁵ Весьма спорны суждения Мунье о влиянии французского классицизма в Пруссии, России и Испании и о барокко в Австрии.

В одном плане с классицизмом действовало — хотя косвенно и медленно — научное мышление. Картезианство, с его стремлением к упорядочению мысли и чувств, к подчинению страстей воле, создавало научную и моральную атмосферу, весьма благоприятную для французского абсолютизма. Но оно быстро уступило место духу сомнения и исследования.

Особенно подробно рассмотрен тезис о важной роли финансов. Война и наличие больших наемных армий вывели этот вопрос на первый план и потребовали как создания администрации (что в свою очередь расширило власть монарха), так и сугубого внимания к экономическим проблемам, к некоторым классам. Необходимость располагать для войны большими и немедленно доставляемыми суммами, связывала государей с крупными купцами-банкирами и купцами-фабрикантами типа Фуггеров, которые не ограничивались кредитованием казны, но участвовали и в сборе налогов и даже входили в состав финансовых органов. Эти связи привели к тому, что купцы-банкиры приобрели возможность оказывать на государей большое воздействие, «дергали их, как марионеток, за золотые нитки». Но нужно отметить и обратное воздействие — весьма разнообразную по форме помощь этим дельцам со стороны государей, предоставлявших всевозможные льготы и защиту от церковных предписаний, от монополий цехов и т. д.²⁶ Лишь благодаря выгодным операциям по кредитованию казны, сбору налогов, эксплуатации государственных доменов, снабжению армии и двора торговый капитал достиг в XVI в. такого расцвета. Меркантилизм отвечал интересам купцов. Только государственная власть могла создать благоприятные условия для накопления капиталов (в чем сама была заинтересована ради своей выгоды); только она могла обеспечить буржуазии привилегированное социальное положение. Вмешательство государства в экономическую жизнь страны все возрастало и в периоды падения экономической активности оно не только стремилось поддерживать и стимулировать деятельность капиталистов-предпринимателей, но иногда само их заменяло (т. е. учреждало свои предприятия). Однако связь между государством и капитализмом не всегда была последнему полезна. Государственные банкротства в 60-х годах XVI в. во Франции и в Испании, а также

²⁶ В другом месте Мунье еще ярче формулирует свою точку зрения: «Абсолютная монархия и крупный капитализм оказались как бы функциями друг друга. Со своим доменом, с налогами, взимаемыми преимущественно с сельского хозяйства, со своими торговыми монополиями абсолютная монархия превращается в своего рода капиталистическое предприятие, в котором исполнителями, участниками и поставщиками были финансисты» (R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles, p. 53—54).

регламентация замедляли рост торгового капитала. В конечном счете это оказалось для абсолютизма выгодным, так как мешало слишком быстрому развитию буржуазии и способствовало поддержанию того относительного равновесия между дворянством и буржуазией, которое бесспорно было одним из факторов в развитии западноевропейского абсолютизма.²⁷

Иначе сложились условия в странах на восток от Эльбы. В Бранденбурге — Пруссии юнкерство захватило ключевые позиции в экономике и в политической жизни. Гогенцоллерны покровительствовали этому классу и сами были крупными помещиками. Интересы юнкерства совпадали с интересами военно-абсолютистского государства, где армией командовали юнкеры, а бюрократия была создана для армии.

Авторы указывают на необходимость исследования вопросов, связанных с размерами территорий (в Германии абсолютизм смог установиться лишь в княжествах известных размеров), с расстояниями (центральная власть не всегда могла добраться до отдаленных местностей своей страны), с плотностью населения по отношению к числу чиновников и т. п.

Благоприятным фактором вплоть до середины XVIII в. была продажность должностей. Испанским королям она позволила наложить опеку на города, а французским — оказывать сильное влияние на парламенты и корпорации чиновников. Наследственность и продажность должностей дали чиновникам значительную независимость, но для французского абсолютизма это оказалось полезным главным образом в том смысле, что для преодоления независимости чиновников пришлось прибегнуть к интендантам, сыгравшим важную роль в укреплении абсолютизма. С середины XVIII в. все попытки нужных реформ стали наталкиваться на постоянную оппозицию парламентов и право собственности их членов на свои должности сделались, действительно, совершенно невыносимым.

Абсолютизм теряет свои позиции тогда, когда возвращенная благодаря его усилиям торговая и промышленная буржуазия становится достаточно сильной, а дворянство достаточно обуржуазившимся. Начинают преобладать интересы буржуазии, ее дух и идеалы и формируются парламентская буржуазная монархия. В Англии это происходит в конце правления Елизаветы и при Стюартах. При особо благоприятных условиях для развития буржуазии переход от сословной монархии к буржуазной республике может быть очень быстрым (Голландия). Однако и там в период войн в политике центрального правительства наблюдаются некоторые черты абсолютизма.

²⁷ Relazioni, p. 45.

Подведем некоторые — пока предварительные — итоги по данному разделу. Очевидно, что несмотря на оговорки и провозглашение принципа множественности факторов, несмотря на привлечение ряда обстоятельств социальной и культурной жизни, авторы исходят фактически из единой основы — войн и созданных ими потребностей государства, т. е. из явлений внешнеполитического порядка. Это не значит, что само развитие буржуазии ставится в связь только с этими явлениями; однако, в конечном счете, именно они оказываются существеннейшими. Возращивает буржуазию больше всего государство (исходя из собственных интересов); оно же использует создавшееся благодаря этому равновесие сил между дворянством и буржуазией. Больше того, оно оказывается демиургом, вызвавшим к жизни классовую борьбу между дворянством и буржуазией — основу равновесия сил.

Нетрудно заметить, что прежняя, идущая еще от Тьерри и Гизо, теория классовой борьбы (целью этой борьбы — об этом нельзя забывать — было завоевание буржуазией государственной власти через революцию) получает ныне иной смысл. В этой теории, лишенной своего революционного содержания, главную роль играет этатизм и притом в таких размерах, что именно он решительно выступает на первый план. Государство не просто ускоряет процесс формирования нового класса, буржуазии, оно оказывается ее создателем. Создав же этот новый класс, оно выступает арбитром в его борьбе с дворянством. Концепция буржуазной историографии о надклассовой природе государственной власти выявляется в результате рассмотрения абсолютизма особенно рельефно.

* * *

Другие стороны анализируемой нами теории абсолютизма выступают при рассмотрении раздела доклада, посвященного стадиям, формам и типам абсолютной монархии. Но сперва коснемся вопроса о природе монархии Тюдоров. Как известно, в Англии отсутствовал тот внешнеполитический фактор, которому, согласно взглядам авторов, обязан своим появлением абсолютизм во Франции и в Пруссии.

Английские историки высказывают различные взгляды. Некоторые видят в монархии Тюдоров «новую», т. е. абсолютную форму государства. Другие считают, что Тюдоры ни в чем не отличались от сильных королей средневековой Англии; английская конституция XVI в. по своим принципам и структуре была апогеем средневековой конституции и неточен сам термин — «тюдоровский абсолютизм».

Мунье выступает против этой концепции, подчеркивая, что в ее основе лежит стремление показать непрерывность (*continuité*) английской конституции и что эти историки и в конституции XX в., вероятно, в первую очередь усмотрели бы средневековые пережитки, а не новые основания. Анализируя правление Тюдоров, Мунье показывает, что общее право (*Common Law*) вполне допускало проявление королем абсолютной власти. Уже с начала своего правления Генрих VII назначал судей на удобный ему срок, и его преемники продолжили эту практику. В результате короли имели судей, истолковывавших общее право в интересах королевской власти.

Короли считались наместниками бога. Генрих VIII сделался главой церкви и присвоил как всю полноту папской власти, так и (постепенно) законодательные функции. В Парламенте он использовал противоречия между «божественным» и «естественным» законами, чтобы не считаться ни с тем, ни с другим, и полагал, что и неизменные законы могут быть истолкованы и приостановлены в своем действии. Парламент был для Генриха VIII не препятствием в его политике, а орудием, тем более, что в своем Совете король мог законодательствовать без стеснений, лишь бы в периоды мира его законы не нарушали вольностей, прав и привилегий подданных, не затрагивали бы их имущественных интересов и не нарушали бы действующих законов и обычаев. Иными словами, в Англии существовали лишь те же обычные условия, что и в других абсолютных монархиях.

Тюдоры создали новые органы власти и через них диктовали свою волю (Совет из доверенных людей, Звездная палата, Советы по делам Севера и Уэльса, мировые судьи). Правда, у Тюдоров не было оплачиваемой бюрократии, но их агенты на местах оказались тем не менее весьма подходящими орудиями. Но как же с финансами? Ведь король не мог взимать налогов по своей воле, они должны были втираться Парламентом. Мунье полагает — на наш взгляд, правильно, — что следовало бы целиком пересмотреть вопрос о налогах при абсолютизме. Нельзя сказать, что одной из черт последнего было свободное распоряжение налогами. Так было лишь в отношении некоторых старых, вошедших в обычай, налогов. По поводу остальных даже Людовику XIV приходилось препираться с парламентами, а после 1673 г. (когда им это было запрещено) — со всевозможными корпорациями (городами, цехами, духовенством, дворянством отдельных провинций, провинциальными штатами). Знаменателен в этом отношении провал таких налогов как капитация и десятина. Французские короли единолично распоряжались лишь доходами своего домена и некоторыми издавна вошедшими в практику прямыми и косвенными налогами.

Надо учесть, что первые Тюдоры фактически обеспечили себе финансовую самостоятельность от Парламента, как благодаря коронным землям, феодальным правам, судебным и таможенным пошлинам, принудительным займам и т. д., так и благодаря конфискации монастырских земель.

Все в целом позволяет назвать английскую монархию при Тюдорах абсолютной.

Этот конечный вывод, как таковой, безусловно верен, и авторы имеют все основания, чтобы в своих последующих рассуждениях включить Англию в число стран с абсолютной монархией. Но характерен метод доказательств. В данном случае уже нет речи о росте буржуазии и ее равновесии с дворянством или о других факторах. Отвергая взгляды английских историков, стоящих на почве лишь юридических аргументов, авторы доклада тем не менее выдерживают систему своих доказательств в аналогичном духе, несмотря на то, что несколько раньше они справедливо критиковали построения историков права.²⁸

Рассмотрение стадий развития абсолютизма и его типов приводит авторов к необходимости уточнить также момент перехода предшествовавшей формы монархии в абсолютную. Следует отметить, что при таком порядке анализ появления абсолютизма искусственно оторван от анализа обусловивших его существование условий и причин, о чем уже была речь.

В кратком введении к докладу авторы очертили хронологические грани своей темы, начиная со второй половины XV в. (во Франции с Людовика XI, в Англии с Генриха VII, в Испании с Фердинанда и Изабеллы) и кончая французской революцией, причем отметили условность данной периодизации, вышванную структурой секций конгресса историков.²⁹ В своем отношении к вопросу о типах и стадиях абсолютной монархии они разошлись во мнениях.

Хартунга в первую очередь интересуют индивидуальные отличия каждой страны, «пестрое многообразие жизни». Рассматривая в своей книге³⁰ историю немецких учреждений, он настаивает на невозможности найти что-либо роднящее их с французскими или английскими, включить их во всеобщую историю учреждений. Столь же негативна его точка зрения на возможность внутренней периодизации в рамках отмеченных

²⁸ См. выше, стр. 409.

²⁹ Мунье доводит абсолютизм в Пруссии до 1848 г., в Австрии — до 1861 г., в России — до 1905 г. Хартунг отрицает наличие в этих странах в XIX в. «настоящего» абсолютизма и считает, что их государственный строй определялся борьбой с силами, развязанными французской революцией.

³⁰ E. Hartung, ук. соч. (см. сноску 2).

выше 350 лет, ибо для разных стран начало абсолютизма, его апогей и конец не совпадают во времени. Хартунг отвергает и такие схемы, как классификация абсолютизма на романский и германский типы, на континентальный и островной и т. д. Он отрицает наличие особого периода так называемого «просвещенного абсолютизма». По его мнению, реальная политика государей — «философов» была консервативной и очень далекой от идей просветителей и экономистов. Исключением был лишь Иосиф II, но именно его попытки и потерпели крах. В целом же «просвещенные» монархи делали лишь то, что другие абсолютные государи сделали до них.

Существенно важным критерием для определения начала абсолютного государства Хартунг считает появление сознания единства государя и народа. В противоположность этому крайнему идеализму Мунье развивает более убедительную концепцию стадий абсолютизма, не сомневается в пользе типологического анализа (с учетом всего реального разнообразия в отдельных странах) и считает возможным рассматривать эти стадии даже в условиях их хронологического несовпадения в различных странах. Попытка точно датировать какие-либо государственные формы для всей Европы может быть неудачна, но это не мешает им существовать почти повсюду. В частности, такова судьба сословной монархии с ее дуализмом: король—сословия. В ней нет ничего специфически германского, как полагают некоторые немецкие историки права, и ее можно обнаружить во всех странах.

Соображения Мунье относительно природы сословной монархии развиты им применительно к той роли, которую она сыграла в подготовке абсолютизма. Мунье предлагает полнее и глубже исследовать деятельность государей в формировании сословной монархии (Филиппа Красивого во Франции, Максимилиана и Филиппа Красивого в Нидерландах и т. д.). Они обязали подданных посылать депутатов, созывали Генеральные штаты, которые были в их руках удобным средством для изъяснения воли правителя и для оповещения о ней по провинциям всех подданных. Лишь постепенно у членов Штатов развилось сознание общности интересов и отчетливее проявилось национальное чувство; они осознали возможность вести с государем переговоры, даже спорить и торговаться. Лишь тогда они смогли принять большее или меньшее участие в административном управлении и в политической жизни. Дуализм — король—сословия — смог отчетливо проявиться там, где относительно сильная буржуазия имела условия для быстрого развития. Сословная монархия подготовила монархию абсолютную в том смысле, что дала государям возможность осуществлять

их творческую роль; при помощи более общих учреждений она объединила на более обширном пространстве разобщенные до той поры группы и коллективы. Общие интересы она поставила выше частных и закон — выше индивидуальных прав.

И в данном случае мы снова встречаемся с невниманием к объективному ходу развития страны и с неправомерным подчеркиванием творческой роли государства.

* * *

Наиболее интересные и свежие, на наш взгляд, соображения высказаны Мунье по весьма существенному вопросу развития государственного аппарата абсолютной монархии. Для сугубо пристального исследования этого вопроса имеются серьезные основания, так как, пожалуй, только при абсолютизме правящая группа приобретает наибольшую самостоятельность даже по отношению к господствующему классу.³¹ Отметим также, что развитие государственного аппарата тесно связано с эволюцией самого абсолютизма и стадии их существования в какой-то мере совпадают. Кроме того, сравнение форм аппарата в разных странах помогает выявить известное своеобразие и способствует тем самым определению различных типов абсолютизма.

Рассматривая конкретное разнообразие форм государственных учреждений абсолютной монархии, Мунье усматривает в их развитии четыре стадии.³²

Первая из них характеризуется тем, что управление осуществляется через Королевский совет и высшие судебные органы. Во Франции эта стадия приходится на правления Карла VIII, Людовика XII и Франциска I; в Испании — Католических королей и Карла V; в Сицилии и в Неаполе на то же время и на правление Филиппа II; в Англии на время Генриха VII и Генриха VIII. В Пруссии она охватывает период начиная с Великого курфюрста и кончая первыми годами Фридриха-Вильгельма I. Эта стадия характеризуется коллегиальностью в правительстве и в администрации. Король группирует около себя совет, все более отличный от судебных органов. В нем еще преобладает знать, хотя роль чиновников растет. Однако аристократия заседает в совете не по праву титула и рождения, а в качестве доверенных лиц короля. В совете намечаются отдель-

³¹ С. Д. Сказкин недавно снова привлек внимание советских историков к данной теме в своей статье «Проблема абсолютизма в Западной Европе» («Из истории средневековой Европы X—XVII вв.», Изд. МГУ, М., 1957).

³² Relazioni, p. 27 и сл.

ные секции, ведающие определенными областями (юстицией, финансами) или — как в Испании — различными составными частями королевства. Но часто король работает наедине со своим секретарем, скромным буржуа или духовным лицом, играющим роль министра. В Испании король уже не является в совет и общается с ним лишь через своих секретарей.

На местах действуют суды и местные советы, обладающие еще нерасчлененными функциями правосудия и управления. Считается, что во Франции эта коллегиальная организация возникла благодаря продажности должностей. Но она существовала и в других странах и сыграла немалую роль в умалении влияния отдельных лиц и в появлении взаимного контроля. Короли поощряли в своих государствах развитие продажности должностей не только по финансовым соображениям, но и ради укрепления своей власти, ибо таким путем они избегали при замещении должностей кооптации кандидатов самими судами.

Контроль осуществлялся специальными комиссарами или комиссиями, составленными из членов совета или высших судов.

Вторая стадия обусловлена необходимостью быстро решать в центре все дела и возросшей потребности в деньгах. При государе образуются своего рода кабинет государственных секретарей и административные коллегии. Во Франции эта стадия развилась постепенно в период от Генриха II до личного правления Людовика XIV, в Пруссии — от Фридриха-Вильгельма I до Семилетней войны включительно, в Англии — от Елизаветы до Карла I включительно, в Испании — в последние годы Карла V и при Филиппе II (не достигнув законченной формы).

Для этой стадии характерны во Франции: постепенное разъединение короля и советов, растущее разделение функций политического совета и советов по судебным и административным делам, деятельность государя в «узком» совете совместно с государственными секретарями, возрастающая специализация прочих советов, обладающих правом самостоятельного решения дел. В провинциях появляются финансовые коллегии, которые действуют наряду с прежними судебными органами, а в управлении финансами и в связанной с ними юрисдикции поставлены даже выше этих органов. Увеличивается число специальных комиссаров и интендантов. В Англии наблюдается такая же картина; спецификой (при Карле I) является лишь то, что административный персонал подчинен судебным органам и за свои служебные действия может быть предан суду (во Франции и в Пруссии судебно-административные функции по-прежнему слиты). В Испании в местной системе управления перемен не наблюдается. Продажность должностей продолжает развиваться как во Франции, так и в Англии, Испании, Италии. Во Франции

она достигает огромных размеров и придает бюрократическому аппарату слишком большую независимость. Абсолютизм ведет с ним борьбу при помощи специальных комиссаров (интендантов).

В третьей стадии осуществляется личное правление короля с назначаемыми им министрами; дела проходят в советах лишь для формы и сами советы превращаются в управленческие канцелярии. На местах королевские решения осуществляются многочисленными бюро, отвоевавшими себе — не без борьбы — почти всю компетенцию местных судебно-административных органов. Для Франции — это, очевидно, правление Людовика XIV, для Испании — правление Бурбонов. Перемена вызвана медлительностью работы коллегиальной системы, уже не отвечающей возросшим потребностям государства. Кроме того, единоличным правлением короли стремятся преодолеть слишком большую самостоятельность советов, члены которых имеют твердое и гарантированное положение. Органы местного управления все большее количество дел решают сами, так как король и министры не могут охватить всего. Абсолютная монархия превращается в бюрократию.

Четвертая стадия соответствует правлению Людовика XV. Чтобы обеспечить единство руководства, которое король уже не в силах осуществлять благодаря многообразию функций, и чтобы предотвратить разноречивую работу министров, комитет — или кабинет — министров обсуждает без короля общие дела.

В этой схеме, основанной на изучении богатого и разнообразного фактического материала, учтены и выявлены значительные отличия в формах государственного управления на различных стадиях их развития и обрисована их эволюция в абсолютистских государствах Западной Европы. Нельзя не признать, что даже в таком кратком изложении, которое только и возможно было в докладе, посвященном многим важным сторонам исследуемой проблемы, основные этапы развития государственного аппарата и их периодизация определены точно и убедительно. Общеизвестное явление, что уже при абсолютной монархии происходит некоторая подготовка государственной машины, которую революция не ломает и которая в буржуазном обществе достигает своего полного и разностороннего развития, очень удачно конкретизирована в рассматриваемой схеме. От многообразного по своим функциям королевского совета с влиятельной феодальной знатью к кабинету назначаемых министров, работающему без личного участия монарха — таковы начальный и конечный этапы; в промежутке между ними — переходные стадии, в которых, на наш взгляд,

находят себе наиболее ясное выражение специфические особенности каждой из стран.

По вопросу о причинах данной эволюции хотелось бы высказать несколько возражений. В докладе повсюду при смене этих форм речь идет о необходимости более быстрого решения дел, о возрастающих финансовых потребностях, о неудобстве для монарха слишком самостоятельных советов и т. п. Эти мотивировки резонны, но ведь за ними стоят другие, и притом более значимые причины, полное умолчание о которых придает всей схеме чисто формальный характер. Постепенное увеличение удельного веса буржуазных элементов и связанная с этим настоятельная потребность во все большей и большей централизации, обострение классово-борьбы (столь характерное для Франции), борьба различных групп в самом господствующем классе — все эти явления толкают абсолютную монархию на отказ от некоторых (не более того!) уже устаревших или вновь устаревающих органов государственного аппарата и на замену их такими, которые лучше соответствуют данной стадии в развитии страны в целом, развитию в направлении к буржуазному строю. В этом плане особый интерес представляет последняя стадия, ибо в ней особенно остро сказывается роковое для абсолютной монархии несоответствие между ее уже исчерпанными возможностями и коренными интересами революционных сил нации.

Эволюция форм аппарата отражает как бы в миниатюре эволюцию всего строя абсолютной монархии и в этом, на наш взгляд, заключается главный интерес рассмотрения данного вопроса. Однако в докладе это соответствие в развитии не нашло себе места.

* * *

Очень осторожны и кратки соображения авторов относительно различных типов абсолютных монархий. Они носят лишь гипотетический характер и имеют целью побудить историков к более пристальному изучению проблемы. К тому же, мнения Мунье и Хартунга весьма различны.

Мунье сомневается, можно ли ставить в один ряд абсолютную монархию во Франции и в Испании, с одной стороны, и в Пруссии — с другой (отметим, что вопреки признанию монархии Тюдоров абсолютной, английский абсолютизм не нашел себе места в этом противопоставлении). В первом случае членами советов, государственными секретарями и администраторами — зачастую со значительной долей политической власти — становятся с течением времени выходцы из буржуазии. В Прус-

сии же многочисленные посты предоставляются лишь господствующему классу, дворянству. Не определяет ли социальное происхождение чиновников дух и деятельность абсолютной монархии, не следует ли различать два ее типа: в странах Западной Европы, где буржуазия играет важную роль, и в странах на восток от Эльбы, где бесспорное преобладание остается за поместным дворянством?

Хартунг несогласен с таким резким противопоставлением. По его мнению, прусский абсолютизм в период 1640—1740 гг. был во всем подобен западноевропейскому и, в частности, испытал сильное воздействие французского образца. Великий курфюрст вел борьбу с политическими притязаниями дворян как в самой Пруссии, так и в ее вестфальских владениях. Прусские чиновники были в то время также выходцами из буржуазии и не следует обманываться насчет позднейшей благородной формы их фамилий. Экономическая политика целиком соответствовала интересам городов. Те же черты характерны и для Фридриха-Вильгельма I. Перемена в отношении к дворянству начинается лишь при Фридрихе II (но и он сохраняет меркантилистскую политику своих предшественников), предоставляющем все большее число важных постов дворянам, что превращается затем в Пруссии в длительную традицию. Однако нельзя это рассматривать как существенную черту прусского абсолютизма; наоборот, это отклонение от предшествующих тенденций коренилось в личных свойствах Фридриха II.

Приведенные соображения обоих авторов не лишены оснований. Правда, вопросы эти еще недостаточно разработаны, чтобы их обсуждение могло выйти за рамки несколько общих рассуждений. Нам представляется обоснованным мнение Мунье, кладущего в основу удельный вес развития буржуазии, ибо бесспорно, что темпы и общие исторические условия роста этого класса весьма различны в группах стран, разграничиваемых Эльбой (может быть, более точной границей следовало бы в данном случае считать Рейн?). Но, с другой стороны, вызывает сомнение как зачисление Франции и Испании в одну группу (общеизвестен застой в развитии испанской буржуазии уже с конца XVI в.), так и отсутствие в ней Англии. Кроме того, при постановке проблемы определения типа абсолютизма в той или иной стране нам представляется более существенным обратить внимание не столько на тот дух и влияние, которые привносят с собой в государственное управление становящиеся чиновниками представители буржуазии³³ — хотя выяснение этого вопроса не лишено интереса — сколько на конкретные

³³ R. Mousnier, *Serviteurs du roi*, p. 6—7.

формы развития в стране торгово-промышленной буржуазии и на соотношение сил между ней и дворянством, на задачи, которые она ставит и которые абсолютизм *volens volens* должен в той или иной мере осуществлять.

* * *

В докладе затронуты еще два вопроса: равнозначны ли понятия абсолютизма и деспотизма (начало доклада) и специфика азиатского абсолютизма (конец). Поскольку в обоих случаях речь идет преимущественно об *определениях* явления (сущность которого, стадии и формы были рассмотрены в двух средних частях доклада) нам представляется рациональным сводное изложение этих тем.

Авторы возражают против встречающегося в исторической литературе полного отождествления абсолютизма с деспотизмом, тиранией и тоталитаризмом. С другой стороны, они отвергают и ту точку зрения, которая воспроизводит идеи Макиавелли и Гоббса, признававших за монархом право законодательствовать, не считаясь ни с какими законами или волей отдельных лиц, групп и представительных органов. Мунье считает, что определение абсолютизма должно вытекать из его реальной истории и предлагает в данном случае опираться на мнения современников. Оставив пока в стороне вопрос о приемлемости или спорности такого метода, рассмотрим вытекающие из суждений современников выводы.

В определениях английских (Джемс Морис) и французских (Луазо, Омер Талон) политических деятелей и юристов XVI—XVII вв. на первый план выступают следующие моменты. Верховная (суверенная) власть абсолютного монарха направляется принципами действующего права и приносимой им (при коронации) присягой. Она свободна от всякого контроля, однако подати с подданных могут быть взысканы лишь с их согласия и сами они пользуются имуществом и вольностями на законном основании (Морис). Омер Талон (надо напомнить, что его слова относятся к январю 1648 г., т. е. к началу парламентской Фронды), признав, что власть короля является суверенной, исходит от бога и не подлежит контролю подданных, тем не менее подчеркивает, что король должен соблюдать законы королевства, уважать вольности подданных и заверять свои эдикты в парламенте, где они могут свободно обсуждаться.

Эти (бесспорно широко распространенные в то время в Англии и Франции) взгляды суммирует известный французский юрист Луазо. Суверенная власть в монархиях принадлежит монарху. Она представляет собой абсолютную, т. е. полную во

всех отношениях мощь. «Однако существуют три вида законов, которые ограничивают власть суверена, не задевая его суверенности (курсив мой, — А. Л.), а именно: божественный закон, ибо хотя монарх и суверенен, но он подданный бога, ... затем естественное право, ибо общественные дела (*seigneurie publique*) должны направляться согласно законам, а не по произволу, и наконец основные законы государства, ибо государь должен пользоваться своей верховной властью (суверенностью) согласно ее природе и с соблюдением форм и условий, каковые ей присущи». Напомним, что для француза того времени основные законы (*loix fondamentales*) состояли из ненарушимого закона о престолонаследии (Салический закон) и неотчуждаемости коронного домена. В их соблюдении и в обязательстве защищать церковь король присягал при коронации.

Все приведенные в докладе высказывания (в особенности суммирующие формулы Луазо) весьма примечательны для развития политической теории XVI—XVII вв. и интересны для исследования этой теории, равно как и практики абсолютизма. Суверенность монарха в понятии людей того времени означает его полную независимость от какой-либо другой земной власти (императора, папы, других королей и т. д.). Это еще целиком феодальное понятие, вытекающее из буквального истолкования термина феодального права. Суверенная — в этом смысле — власть французского и английского королей была завоевана в результате упорной вековой борьбы как с теократическими притязаниями и теориями пап, так и с универсально-имперскими реминисценциями императоров «Священной римской империи германской нации». Поэтому английская и французская политическая мысль уже издавна (с XIII—XIV вв.) вполне закономерно рассматривала суверенитет своих государей как национальный (хотя далеко не всегда употреблялось именно это слово) и ставила его во главу угла. Вследствие этого Луазо специально оговаривает, что законы, которым монарх обязан следовать внутри государства ничуть не ограничивают его суверенность во внешних сношениях.

Далее, понятия «божественного» и «естественного» права, для современников вполне ясные и конкретные, означали подчинение монарха нормам христианского (католического или протестантского) катехизиса и действовавшим законам (во Франции — писанной кутюме и королевским ордонансам, в Англии — общему праву — *Common Law*).

Эта ограниченность власти короля как будто не вяжется с нашим понятием «абсолютного».

Мунье это отмечает. Анализируя реальное содержание понятия «абсолютная монархия» во Франции с начала XVI до се-

редине XVIII в., он указывает, что оно исходило из представления о наличии сложившейся естественным путем (т. е. в результате развития обычного права) конституции, constitution coutumière, изменить которую король был не властен. Эта конституция фиксировала форму правления с определенным порядком престолонаследия, суверенные права монарха (в вышеизложенном смысле) и ограничение власти как монарха, так и государства. Ограничение состояло в том, что не могла быть изменена ни форма правления (монархия), ни порядок престолонаследия. Этот основной закон был выше короля и сама власть короля проистекала из этого закона. Французский король ни в теории, ни на практике не мог от него отступить и в этом смысле французская норма была более «жесткой», в противоположность более «гибкой» английской теории и практике, где король с парламентом могли изменять конституцию, с условием соблюдения Common Law и прав подданных.

Французская «обычная» конституция обязывала короля соблюдать права собственности и вольности своих подданных (т. е. то, что называлось в ту пору «естественными законами», *loix naturelles*). Те страны, где этих гарантий, по их мнению не было, французы считали деспотиями (Турцию и Россию).

Итак, заключает Мунье, монархия, по понятиям современников, ограничена «естественным» и «божественным» законами (напомним еще раз о вполне конкретном значении этих терминов). Она абсолютна в том смысле, что не подчинена контролю, не разделяет суверенитета ни с кем; только монарху надлежит законодательствовать, назначать чиновников, набирать войска, объявлять войну, заключать мир, отправлять правосудие, чеканить монету, взимать налоги и т. д. В понятие «абсолютной монархии» современники вкладывали отрицание феодальной раздробленности. Они не отождествляли этого понятия с деспотизмом и тиранией.

Отметим, что это определение Мунье политической теории XVI—XVII вв. — само по себе точное — необходимо значительно расширить. Переводя понятия XVI—XVII вв. на наши, надо подчеркнуть, что современники считали власть абсолютного монарха не подлежащей контролю со стороны каких-либо органов или социальных групп (например, знати) в исполнительной сфере, и в то же время ограниченной действовавшими в королевстве законами (значительная часть которых представляла собой кутюму) и нормами религиозной морали. Характерно, что для монархомахов и некоторых гугенотов последние Валуа были «тиранами» именно потому, что они преступали границы абсолютной власти, очерченные рассмотренной выше теорией: они нарушали «естественный» закон (залезая в ко-

шельки подданных без их согласия) и «божественный» закон (будучи «папистами», т. е. отвергая «истинное» вероучение Кальвина). Характерно и то, что феодальная знать, хотя и нарушала на практике прерогативы абсолютной монархии (ведя в XVI—XVII вв. с правительством внутренние войны, набирая для себя войска, собирая налоги в свою пользу, договариваясь с иностранными государями и т. д. и т. п.) уже очень быстро (к концу XVI в.) растеряла последние остатки теории феодального многовластия и в этом плане ничего не могла противопоставить доктрине абсолютизма. С тем же итогом пришли в конце XVI в. к признанию этой доктрины и города, отказавшись от идей муниципального сепаратизма.

Вместе с тем следует подчеркнуть еще вполне феодальный общий характер этой теории государства. Она зиждется на отрицании как феодального распыления суверенитета внутри страны, так и отсутствия его во вне, но в основе ее не лежит какое-либо *новое* понятие государства, — его дадут лишь идеологи революционной буржуазии. Далее, все виды законов, ограничивающих абсолютного монарха, по своей сути феодальны (религия, кутюма, вольности). Поэтому нам представляется, что эта теория адекватна феодальной природе самого абсолютизма.

Вернемся в материалу доклада. Изложив доктрину абсолютизма, Мунье прослеживает на истории Франции ее реальное претворение в жизнь.

Теория была ясна, но сложившаяся естественным путем конституция — очень противоречива. В ней сочетались различные тенденции. Король и его советники стремились все более расширять власть правительства и возвысить авторитет короля. В этом же плане действовала и идеология (героизация короля: Король — Солнце). На это толкала необходимость развить до предела все силы королевства ради достижения победы в войне и объединить в надлежащем порядке сложную иерархию сеньерий, сословий и корпораций с их разнородными правами и привилегиями. Поэтому «королевская» тенденция одержала верх. Но французские короли, даже Людовик XIV, не могли нарушать предписанных обычной конституцией границ своей власти.³⁴ Правда, парламенты за период 1673—1715 гг. были лишены возможности оказывать сопротивление королевской власти. Это было время непрерывных войн, и королю нужны были деньги на их ведение — парламенты же задержи-

³⁴ Мунье полемизирует с историками, противопоставлявшими Людовика XIV («государство — это я») и Фридриха II («я — это государство»), доказывая, что у обоих королей одно понятие: государство выше короля.

вали фискальные эдикты или противодействовали им. Единственное новшество Людовика XV состояло в реформе парламента 1771 г., но и после этого парламент сохранил право регистрации эдиктов.

Тенденции, противоположные интересам короны, исходили от принцев крови, считавших себя прирожденными и обязательными советниками короля и парламентов, полагавших себя наследниками старого (до XIV в.) Королевского совета и Генеральных штатов и в качестве таковых присвоивших себе право обсуждения законов и вотиrowания налогов. Вместе с тем те же парламенты в течение XVI—XVIII вв. признавали всю конституцию и сосредоточение суверенитета в персоне короля. В теории между парламентами и королем нет различий, в жизни они были (Фронда).

Доктрина абсолютизма, включает Мунье, мало изменилась во Франции за три столетия, хотя по самым разнообразным причинам в ней могли усиливаться или ослабляться те или иные черты. Английская доктрина абсолютизма в основном совпадает с французской. В обеих странах современники не доводили понятия суверенности до его логического конца, т. е. до признания за государем права на полный произвол.

Мы несколько задержались на рассмотрении этой проблемы как в силу того, что идеология и доктрина абсолютизма вообще (западноевропейского и русского) представляет несомненный интерес, так и в силу того значения, которое придают ей авторы доклада для понимания *сущности* абсолютной монархии. Стремление многих зарубежных историков не только изучать те или иные доктрины или термины, но и класть их в основу, представляется нам ошибочным. Мнения современников могут быть и интересными — в плане развития политической мысли — и более или менее точно отражающими действительное положение вещей. Однако не в них надо искать критерий для определения, насколько полна «абсолютная» власть того или иного монарха в той или иной стране, и какие реальные социальные и политические силы ее поддерживают или борются с ней. Доктрина, мало в основном меняющаяся, как подчеркивает сам Мунье, никак не может быть верным зеркалом политического строя страны, пережившей за полтора столетия в Англии и за три — во Франции, радикальные перемены по существу. Да и как могло быть иначе в столетия, которые видели появление на исторической арене новых классов с их новыми интересами и с их программами, начавшими складываться задолго до революции? Можно сказать, что едва доктрина абсолютизма оформилась в противовес старым теориям многовластия (и в это время она, несомненно, значи-

тельно опережала реальное положение вещей, изображая короля более могущественным, чем он был на деле), как она уже оказалась лицом к лицу с провозвестниками новой теории социального и политического строя, т. е. с классами, готовившими ей гибель. И в эту пору она не могла точно отражать реальную действительность, ибо тоже (хотя и по другой причине) преувеличивала реальную мощь монарха. Сущность абсолютизма кроется не в доктрине современников, а в *реальном соотношении сил общественных классов, сильно менявших свой удельный вес в процессе развития в стране новых, капиталистических отношений.*

* * *

Последняя часть доклада о формах азиатского абсолютизма тесно связана с только что разобранный первой его частью, ибо при определении специфики государственной формы в Турции авторы исходят из тех же принципов, что и при рассмотрении доктрины. Анализируя тип восточной деспотии в Турции³⁵ (относительно России они ограничиваются замечанием, что мнение французов XVI—XVIII вв. о наличии в России деспотии, а не абсолютной монархии, неверно),³⁶ они отмечают ее своеобразие. В XVI в. страна распадается на множество мелких замкнутых общин с застойной экономической жизнью, с господством обычаев и традиций. В султанах воплощен священный закон, но преступить этот закон (ислам) он не может, не может его изменять. Истолкование закона предоставлено не ему, а особой группе (улема). В этом плане, т. е. поскольку имеется ненарушимый закон, турецкая империя может быть названа абсолютной монархией. Но прочие черты турецкого общества (государственная собственность на землю, наличие рабства, особая структура войска, рост «автократии» султана в процессе завоеваний и т. п.) усиливают деспотический характер власти султана. Затем с прекращением успешных войн власть центрального правительства деградирует, растет мощь крупнейшей аристократии, самовластно распоряжающейся в фактически автономных провинциях.

Итак, частично французы ошиблись, ибо они не видели в Турции наличных там элементов абсолютизма. Но они были

³⁵ Напомним, что отмечая лишь внешнее сходство абсолютной монархии в Испании с абсолютизмом в других странах Европы, Маркс проводит аналогию между Испанией и восточной деспотией в Турции (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 10, стр. 432—433).

³⁶ Абсолютную монархию в России Мунье признает и рассматривает довольно подробно в своей книге (R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles, p. 112—121, 305—307).

правы в том, что правительство там было деспотическое, так как социальная структура страны и истоки власти султана были в Турции иными, чем в Западной Европе.

Те же выводы авторы доклада делают (в ультратрактовой форме) и для Индии. Мы не вдаемся в анализ этих положений по существу, так как это надлежит сделать специалистам по истории Турции и Индии.

* * *

Подведем итоги нашему анализу. Здесь не место давать, хотя бы и в кратком изложении, иную концепцию абсолютизма: она должна вытекать из специальных конкретных исследований по истории отдельных стран. Общие же методологические установки марксистской исторической науки по вопросу об абсолютизме общеизвестны и нет нужды их повторять.

Выше мы имели возможность отметить как слабые, так и удачные стороны рассматриваемой концепции. Бесспорным является факт, что теоретизирующая мысль зарубежных историков не выпускает из поля зрения проблемы абсолютизма и что авторы доклада — они же авторы многих конкретных работ по данной теме — пытаются нащупать сущность абсолютной монархии, ее основную задачу, ее историческую миссию. Не менее ясным представляется и то, что авторы рассмотренной концепции хотят при этом создать теорию, несогласную с концепцией историков-марксистов.

Что же нового вносит эта теория в прежние построения буржуазной историографии?

Наибольшим вниманием авторов доклада пользуется доктрина абсолютной власти, разработанная в XVI—XVII вв. Не даром ей уделено много места и притом в самом начале доклада, так что она служит своего рода опорным камнем для последующих разделов. Мы стремились показать, что эта доктрина весьма интересна, как и всякая созданная современниками теория политического строя, но что она никак не может заменить собой научного определения абсолютной монархии, которое обязан дать исследователь в наши дни. Между тем, авторы склонны выдвигать эту доктрину как своего рода определение, и трудно не поставить это в связь с довольно широко распространенным в современной буржуазной историографии воззрением, согласно которому всякое определение, «привносимое» историком сверх того, что разумели в свое время современники под тем или иным термином или понятием, уже искажает реальную многоликую действительность. Таким образом, в этом разделе доклада мы вправе видеть своего рода методологическое

отступление от прежних определений абсолютизма, хотя бы они и не удовлетворяли нас теперь по своему конкретному содержанию.

По вопросу об условиях развития абсолютизма позиция авторов противоречива. Само понятие равновесия дворянства и буржуазии, как базы существования абсолютной власти оказывается необоснованным, поскольку буржуазия неправомерно отождествлена с чиновничеством и превращена в правящий слой, приобщенный к важнейшим функциям управления государством. Определение чиновничества как буржуазии зиждется на неприемлемом для данного случая критерии — общественном мнении (в сущности мнении феодальной знати). Снова мы встречаемся с тем же принципом, что и отмеченный выше: мнение современников оказывается *ultima ratio* определения исследователя наших дней.

Надклассовый характер абсолютной власти остается для буржуазной науки незыблемым принципом. Абсолютизм призван обеспечивать интересы всех. В случае попраения этих интересов, против монарха ополчаются все слои общества, причем руководящая роль в этой оппозиции принадлежит дворянам и буржуазии. В сущности этими соображениями теория классовый борьбы между дворянством и буржуазией отодвигается на задний план. Поэтому едва ли не важнейшим фактором развития абсолютной власти оказывается внешняя война и вызываемые ею потребности в деньгах, в ускорении проведения финансовых и административных мероприятий и т. п. Сама монархия, как таковая, отождествляется в экономическом плане с крупным капиталистическим предприятием. Поскольку, как мы видели, буржуазия привлечена и к политической власти, в основе мысли авторов лежит невысказанный тезис о буржуазно-капиталистической природе власти абсолютного монарха (в Англии и во Франции во всяком случае) на все время «союза» между ним и буржуазией. Все это заставляет думать, что авторы анализируемой теории склонны скорее элиминировать классовую борьбу (даже в том ограниченном и упрощенном масштабе, в котором она учитывалась ранее) из рассматриваемой проблемы, чем акцентировать на ней внимание свое и будущих исследователей. И это характеризует их мысль, как движение назад, а не вперед.

Новым моментом является вытекающая из тщательного изучения фактического материала схема развития государственного аппарата. Однако и она в итоге лишь иллюстрирует тезис о влиянии внешней войны, опуская более глубокие причины эволюции форм государственной власти.

Могут ли тезисы и объяснения авторов стимулировать дальнейшую работу в таком направлении, которое приблизит нас

к пониманию важнейших сторон данной проблемы? Ответ на этот вопрос ясен. На наш взгляд, самые насущные для изучения абсолютизма темы развития социально-экономических отношений мало освещены, а многие совсем не затронуты. Если следовать предложенной авторами проблематике, то надо углубиться главным образом в изучение доктрины и практики абсолютизма, т. е. в область идеологии и административно-политической жизни. Это и нужно, и полезно, но не этим путем мы придем к более ясному представлению о закономерностях развития государственного строя стран Европы в XVI—XVIII вв.